

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ГЕНОЦИДЕ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Кристина Александровна Краснова¹, Мария Александровна Волкова²

¹Российский государственный университет правосудия,
Северо-Западный филиал, Санкт-Петербург, Россия
krasnova_vnii@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0003-1545-8025>

²Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия
mvolkova2013@bk.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-5928-6929>

Аннотация. Значение современных судебных процессов о геноциде и обсуждение судебных решений послевоенных лет (Нюрнбергский и Японский трибуналы, Хабаровский процесс) состоит в том, чтобы не исказить события Второй мировой войны и не допустить их повторения в XXI веке. Современность определяет необходимость формирования новых подходов к содержательному определению геноцида в целях недопустимости искажения исторической памяти народов. Авторами проведен анализ действующего российского и международного законодательства, научно-публицистических источников. Обращено внимание на то, что в научных публикациях нередко искажается значение термина «геноцид», исторические факты трактуются искаженно. По результатам исследования делается вывод о необходимости расширения термина геноцид в уголовном законодательстве.

Ключевые слова: геноцид советского народа, блокада, историческая память, военные преступления, преступления против человечности, культурный геноцид, лингвистический геноцид

Для цитирования: Краснова К. А., Волкова М. А. Историческая память о геноциде советского народа в годы Великой Отечественной войны: уголовно-правовой аспект // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 1 (36). С. 98–102. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10113

Research article

HISTORICAL MEMORY OF THE GENOCIDE OF THE SOVIET PEOPLE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: CRIMINAL AND LEGAL ASPECT

Kristina A. Krasnova¹, Maria A. Volkova²

¹North-Western branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia
krasnova_vnii@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0003-1545-8025>

²Moscow Financial-Industrial University "Synergy", Moscow, Russia
mvolkova2013@bk.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-5928-6929>

Abstract. The significance of modern genocide trials and discussion of court decisions of the post-war years (the Nuremberg and Japanese tribunals, the Khabarovsk trial) is not to distort the events of the Second World War and prevent their repetition in the 21st century. Modernity determines

the need for the formation of new approaches to the meaningful definition of genocide in order to prevent the distortion of the historical memory of peoples. The authors analyzed the current Russian and international legislation, scientific and journalistic sources. Attention is drawn to the fact that in scientific publications the meaning of the term genocide is often distorted, historical facts are interpreted distortedly. Based on the results of the study, it is concluded that it is necessary to expand the term “genocide” in the criminal law.

Keywords: genocide of the Soviet people, blockade, historical memory, war crimes, crimes against humanity, cultural genocide, linguistic genocide

For citation: Krasnova KA, Volkova MA. Historical Memory of the Genocide of the Soviet People during the Great Patriotic War: Criminal and Legal Aspect. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(1):98-102. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10113 (In Russ.)

Введение

20–23 ноября 2022 г. в столице Ленинградской области — г. Гатчине — прошел Международный научно-практический форум «Без срока давности. Геноцид советского народа со стороны нацистов и пособников в годы Великой Отечественной войны: историческое осмысление и судебная практика», который развил публичную дискуссию о нравственном понимании геноцида — преступления, предусмотренного ст. 357 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Данному мероприятию предшествовало вынесение двух знаковых судебных решений.

10 октября 2022 г. решением Ленинградского областного суда удовлетворено заявление прокурора Ленинградской области С. А. Жуковского о признании военными преступлениями, преступлениями против человечности и геноцидом советского народа установленных и вновь выявленных преступлений, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны на территории региона¹.

20 октября 2022 г. Санкт-Петербургским городским судом блокада Ленинграда признана преступлением против человечности и геноцидом национальных и этнических групп, проживавших на территории СССР². Указанные судебные решения основываются на фактах, исследовании архивных материалов и других исторических источников и являются крайне важными для сохранения исторической памяти.

Вместе с тем, по словам Генерального прокурора Российской Федерации И. В. Краснова,

«спустя десятилетия есть желающие исказить историческую правду, в том числе и в отношении этих событий»³. Об этом свидетельствуют и публикации в англоязычном сегменте сети Интернет. К примеру, в научной статье, опубликованной 7 сентября 2022 г. преподавателем Лейденского университета (Нидерланды), ее автор Эгберт Фортюин рассматривает аргументы, используемые Россией в отношении геноцида русскоязычного населения на Украине, как часть российской пропаганды, основанной на итогах Второй мировой войны. Автор считает объективно установленные факты, касающиеся ситуации на Донбассе, недействительными, основанными на преувеличениях, гиперболическом использовании терминологии и лжи, а русский язык и культуру признает «средством восстановления российской сферы влияния» [8].

В негативном ключе рассматривают историческую память о геноциде и другие авторы, характеризуя отсылки современных политиков к истории преследований отдельных народов исключительно как направленные на разжигание националистических и ультраправых настроений для достижения политических целей, приводя в пример лидеров России и Венгрии [6].

Нельзя сказать, что термином «геноцид» охватываются исключительно события Великой Отечественной войны. Так, геноцидом признаны и преступления в отношении сербов, совершенные на территории Независимого Хорватского государства в годы Второй Мировой войны. В частности, в 1941 г. был принят целый ряд так называемых «расовых законов». Согласно указу «О хорватской национальности», право на гражданство

¹ Новость от 10.10.2022 // Ленинградский областной суд : [сайт]. URL: http://oblsud.lo.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=848 (дата обращения: 03.01.2023).

² Черенева В. Блокаду Ленинграда официально признали геноцидом // RG.RU. URL: <https://rg.ru/2022/10/20/reg-szfo/blokadu-leningrada-oficialno-priznali-genocidom.html> (дата обращения: 03.01.2023).

³ Игорь Краснов принял участие в Международном научно-практическом форуме «Хабаровский процесс: историческое значение и современные вызовы» // Генеральная прокуратура Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=64996227> (дата обращения: 24.11.2022).

получали только арийцы, а сербы и евреи попали в группу лиц, «принадлежащих государству». По указу о «защите арийской расы и чести хорватского народа» сербам предписывалось носить на одежде синюю повязку с буквой «П» (православный), евреям — звезду Давида на желтом фоне [7]. Из событий послевоенных лет операция «Анфаль» по международным стандартам преступлений подпадает под описание геноцида. Речь идет о кампаниях расстрелов, массовых убийств и организованного истребления курдской общины Ирака. Стратегия операции «Анфаль», продолжавшейся в период с февраля по сентябрь 1988 г., заключалась в том, чтобы разрушить все оборонительные возможности курдского сообщества. Разрушение деревень в Курдистане и перемещение населения на открытое пространство было направлено на то, чтобы навсегда избавиться от их идентичности и способности к продолжению рода, поскольку истреблялась молодая и активная возрастная группа указанного сообщества. В результате община Анфаль, численность которой составляла примерно 182 тыс. человек, потеряла более 70 тыс. жителей [9].

Как видим, научный дискурс активно оперирует термином «геноцид», который требует нового осмысления в текущих условиях проведения специальной военной операции, начатой 24 февраля 2022 г. Далее рассмотрим указанное понятие через призму уголовной репрессии.

Исследовательская часть

Геноцид является одним из самых серьезных преступлений против человечности, поскольку оно затрагивает жизнь, свободу, права или человечность группы людей. Эти преступления в совокупности составляют так называемые гуманитарные преступления. Геноцид считается относительно недавно возникшим, поскольку его появление в своем нынешнем виде связано с периодом после Второй мировой войны, когда его признаки были описаны в резолюциях ООН и Конвенции ООН о предупреждении геноцида и наказании за него 1948 г. [5]

Следует отметить коллизионность терминологии, используемой российским, иностранным и международным законодательством. Так, ст. 2 Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., ст. 19 проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества и ст. 6 Статуса Международного уголовного суда определяют геноцид как «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью

или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую и религиозную группу как таковую путем убийства, серьезных телесных повреждений или умственного расстройства, предумышленное создание таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение, меры, рассчитанные на предотвращение деторождения, насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую». Как отмечается в литературе, это определение не в полной мере соответствует УК РФ [4].

На наш взгляд, полным нельзя считать и определение, содержащееся в международных актах. В качестве разъяснений могут быть приняты положения Доклада Подготовительной комиссии международного уголовного суда¹. В ст. 6 вышеуказанного Доклада объективную сторону геноцида предлагается оценивать «в контексте явной линии аналогичного поведения, направленного против этой группы». Таким образом, можно предположить, что геноцид может выходить за рамки тех деяний, которые определены в уголовном законодательстве. В частности, полное или частичное уничтожение расовой, этнической или иной группы людей может производиться не только физически, но и идеологически, путем искоренения национального самосознания, культурно-исторических национальных обычаев, языка. Такой культурный геноцид не подпадает под действия, предусмотренные ст. 357 УК РФ, но допускается международной правоприменительной практикой, как следует из приведенного выше Доклада Подготовительной комиссии международного уголовного суда.

Важность сохранения культурно-исторического национального наследия понимают во многих государствах. Так, в Польше в 2018 г. была введена уголовная ответственность за высказывания о соучастии Польши нацистским преступлениям по время Второй мировой войны, а также за пропаганду бандеровской идеологии и отрицание «преступлений украинских националистов»².

¹ Доклад Подготовительной комиссии Международного уголовного суда. Часть II. Окончательный проект текста Элементов преступлений // Refworld : [сайт]. URL: <https://www.refworld.org.ru/type,LEGHIST,,53a1a6ce4,0.html> (дата обращения: 03.01.2023).

² Об Институте национальной памяти — Комиссии по расследованию преступлений против польского народа : Закон от 18 декабря 1998 года (поправки от 1 февраля 2018 года) // Конституции государств (стран) мира : Библиотека конституций Пашкова Романа : [сайт]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=1917> (дата обращения: 03.01.2023)

Геноцид советского народа в годы Великой Отечественной войны оставил культурный отпечаток, который продолжает играть важную роль на культурной арене. Поэтому следует взглянуть на изучение понятия «культурный геноцид» как одной из форм преступления геноцида с целью установления содержания культуры как объекта преступления геноцида.

Культурный геноцид является не новым признаком преступления геноцида. В литературе он рассматривается в качестве составной части геноцидной политики, где может составлять фазы прегеноцида или постгеноцида либо выступать в качестве самостоятельного преступления. В качестве такого М. Э. Бабаян предлагает признать практику уничтожения культуры народов Османской империи, Шри-Ланки и Тибета [1]. В наши дни в рамках культурного геноцида не только нивелируется русский язык как средство коммуникации достаточно многочисленных русскоязычных сообществ ряда стран постсоветского пространства. Помимо этого, в результате одиозных решений правительств и местных органов управления отдельных недружественных государств происходит истребление любых материальных следов позитивного участия россиян в жизни отдельных регионов. Только в 2022 г. подверглись сносу мемориалы советским воинам-освободителям в городах Латвии, осквернены военные кладбища в городах Польши, демонтированы памятники советским солдатам в городах Литвы и Эстонии, Монумент Дружбы народов в Киеве, памятники русским писателям и поэтам в других городах Украины, памятник «Мир во всем мире» в Финляндии. Скорбный список, к сожалению, будет только пополняться.

Одним из проявлений исторического геноцида, направленного на искоренение национального сознания, можно считать лингвистический геноцид (так называемый «лингвоцид»). Впервые его ввел в научный оборот ещё в 1967 г. Я. Б. Рудницкий [3], предложивший считать таковым подчинение носителей языка определенной языковой доктрине, фокусом которой выступает принудительная языковая ассимиляция. Язык любой нации (народа) отражает его культурно-исторические особенности, поэтому искоренение языка отрывает его носителя от исторических корней.

В России понимают важность сохранения культурного наследия, что гарантируется целым рядом правовых актов. Так, в 1995 г. был принят Федеральный закон «Об увековечении

Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов»¹, целью которого указывается сохранение памяти о защитниках Родины. 29 декабря 2022 г. указанный законодательный акт дополнен определением Георгиевской ленты в качестве символа воинской славы России. В 2020 г. Конституция РФ была дополнена ст. 67.1, закрепившей обязанность государства чтить память защитников Отечества, обеспечивать защиту исторической правды. Таким образом, наша страна предпринимает активные меры по сохранению национального самосознания.

К большому сожалению, в настоящее время не хватает основанных на фактических данных уголовно-правовых исследований, проверяющих эффективность уголовной политики в сфере противодействия геноциду [2]. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы научные разработки в рассматриваемой сфере превратились в ключевые источники информации для законодателя. Эти научные исследования должны, прежде всего, отвечать на вопросы, какие различные формы геноцида существуют в современном мире и каким образом уменьшить их проявление правовыми мерами.

Заключение

Исследование проблемы геноцида показывает, насколько чувствительной темой она является не только в нашей стране, но и за рубежом. Полагаем, что в наши дни недопустима стратегия «молчания о геноциде». Преступления геноцида, совершенные в отношении советского народа в годы Великой Отечественной войны, обязательно должны широко упоминаться в учебниках истории, быть острой темой в литературе и кино, и не только историки, но и криминологи должны рационально исследовать преступление геноцида с новых аспектов через призму нравственности.

Геноцидом следует считать не только убийство или причинение вреда здоровью представителям национально-этнических или религиозных групп, но и иные действия, направленные на утрату ими осознания своей национальности / расы / этноса / религии. В этой связи рекомендуется внесение изменений в российское уголовное законодательство, путем дополнения признаков объективной стороны ст. 357 УК РФ.

¹ Федеральный закон от 19.05.1995 № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» (ред. от 29.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс», 2023.

Список источников

1. Бабаян М. Э. Феномен культурного геноцида: история и современность // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 14 (3). С. 99–111.
2. Кобец П. Н. Задачи и цели отечественной уголовной политики в условиях гражданского общества середины второго десятилетия XXI столетия // Государство и право в условиях гражданского общества : сборник статей Международной научно-практической конференции (Уфа, 08 мая 2015 года) / отв. ред. Сукиасян А. А. Аэтерна, Уфа, 2015. С. 81–83.
3. Кудинова Т. А., Резникова А. В., Кабулов Д. М. Язык ненависти как фактор эскалации лингвистического геноцида в контексте современной этноязыковой конфликтологии // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 4 (75). С. 27–30.
4. Маляева Е. О. Международное законодательство об ответственности за преступления против права человека на жизнь // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Право. 2003. № 2. С. 338–348.
5. Решняк М. Г. Действие уголовного закона во времени: проблемные вопросы применения // Вестник Международного юридического института. 2011. № 2 (38). С. 7–29.
6. Becker S. O., Mukand Sh., Yotzov I. Persecution, pogroms and genocide: A conceptual framework and new evidence // Explorations in Economic History. 2022. Vol. 86. 101471. DOI: 10.1016/j.eeh.2022.101471
7. Dimić L. D. Genocide over the Serbian people in the Independent State of Croatia (1941–1945) // Napredak — časopis za političku teoriju i praksu. 2022. Vol. 3. Iss. 2. Pp. 41–52. DOI: 10.5937/napredak3-39499
8. Fortuin E. Ukraine commits genocide on Russians: the term “genocide” in Russian propaganda // Russ Linguist. 2022. No. 46. P. 313–347. DOI: 10.1007/s11185-022-09258-5
9. Ismat M. I., Salim J. H., Azad A. Sh. Genocide crimes committed against the Kurds in Iraq. Statistical study on Anfal operations 1987–1988 // Journal of Kurdistan for Strategic Studies. 2022. № Special iss. URL: <https://jkss.kissr.edu.iq/index.php/en/article/view/123/104> DOI: 10.54809/jkss.viSpecial.123

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Contributions by the authors are equal.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 03.01.2023.
Дата рецензирования статьи / Revised: 15.01.2023.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.01.2023.